

(Працяг. Пачатак у №54 ад 16 мая.)

ЕГОР ЕГОРОВИЧ
СЕНЬКО

На четвертом курсе лекции по теоретической механике к нам пришел читать новый преподаватель. К этому времени мы уже знали всех преподавателей на физмате, но этот был новым вообще. Нам сразу бросились в глаза две его особенности. Во-первых, он читал лекции по конспекту. На нашем факультете среди преподавателей дисциплин физико-математического цикла это было не принято. Во-вторых, на что сразу обратили внимание девушки нашего курса, на лекции он приходил в туфлях. И это посреди зимы! Все преподаватели и студенты в это время ходили в сапогах или в зимних ботинках и никто из них перед занятиями не переобувался. Мы тут же навели справки — кто же это такой? Выяснилось, что к нам на физмат по конкурсу был принят кандидат физико-математических наук доцент Егор Егорович Сенько. Он был родом из Чашниковского района, закончил Витебский пединститут и долгое время работал в Кировском пединституте, в том числе деканом физмата. Лекции Егор Егорович читал отменно, со временем мы даже перестали замечать, что он иногда сверяется со своим конспектом. Внешне был всегда аккуратен, в отношениях со студентами строг, но в то же время к себе располагал, был доступен. Для подготовки к экзамену оказалось достаточно записанного за ним конспекта его лекций, оценивал наши знания он, в целом, объективно.

Деканом нашего факультета Егор Егорович стал очень быстро, через несколько месяцев после приезда в институт. Сменил он на этой должности П.П.Машковска. Когда после службы в армии я пришел на физмат работать, Сенько в деканате чувствовал себя уже уверенно. Хотя Петра Петровича все любили, тем не менее Егора Егоровича как декана тоже признали. Он был энергичен, уверен в себе, распоряжался на факультете разумно, был последователен и справедлив. К нему сразу потянулись физики. Как выяснилось, Сенько был не только авторитетным ученым в области естественной радиоактивности, но и мастерски решал задачи из всех разделов физики, в том числе нестандартные, или, как мы их называли, олимпиадные. Я часто наблюдал, когда после неоднократных попыток решить ту или иную задачу физики корифеи В.И.Вераска, К.К.Жилик, С.М.Чернов, Н.И.Стаськов, А.Н.Соболевский приносили ее Егору Егоровичу. И он всегда решал! Это была истина в последней инстанции.

Сенько стал поднимать физмат, не скрывая, что хочет сделать его лучшим факультетом в институте. И это при крайне низкой, по сравнению с другими факультетами, успеваемости студентов. Но ему это удалось! Он четко организовал учебный процесс, оживил научную работу, сделал авторитетным Совет факультета, сформировал действенный студенческий актив — физмат воспрял. Сам Сенько приходил на работу всегда к началу занятий, в половине восьмого, оставался на факультете до позднего вечера и все это время занимался факультетскими делами. Добавлю к этому, что Сенько стал на физмате не только официальным руководителем, но и неформальным лидером. При нем мы стали собираться с женами на праздники, на юбилеи, могли мужской компанией посидеть за столом после крупных институтских мероприятий. Егор Егорович и здесь был главным. Он хорошо играл на баяне, любил петь и знал множество песен, за словом в карман никогда не лез и как-то совершенно естественно всех нас заводил. Причем это никак не снижало его авторитета. Он все делал с азартом, с удовольствием, и все у него получалось.

Сенько всегда поддерживал студентов. На физмате обычно было много "неудов", отчислялся за неуспеваемость десятками, но Егор

Александр РАДЬКОВ
Мой физмат
(Отрывки из книги)

Егорович как декан всегда давал "двоечнику" шанс не попасть под отчисление, своей властью разрешал еще одну пересдачу экзамена, в целом, за студентов стоял горой, и они его уважали.

При Сенько заметно оживилась художественная самодеятельность. Он сам был инициатором многих проектов. Например, решил создать на физмате танцевальный коллектив. Нашел на заводе им. С.М.Кирова художественного руководителя, он там танцевал в самодеятельном ансамбле и работал слесарем. Очень колоритная личность. Он сразу заявил, что ему нужны юноши, причем совершенно не важно, занимались они раньше танцами или нет. Главное, чтобы у них были для этого природные данные. Однако попросил, чтобы при профотборе мы с Сенько (я уже работал у него заместителем) лично присутствовали. Мы в приказном порядке собрали всех юношей первого и второго курсов, человек пятьдесят, построили их перед руководителем ансамбля. Тот попросил их развести в сторону руки. И сразу после этого половину юношей отправил домой. Остальных попросил присесть, показав как. После этого отправил еще половину оставшихся и заявил, что отбор закончил. С оставшимися он намерен работать. А среди девушек он уже нашел ранее занимавшихся танцами. И через три месяца показал на сцене красивый русский танец. С тех пор я навсегда уяснил, что без танца на сцене в концерте нет должного масштаба, энергетики, задорного настроения. Во многом поэтому в последствии поддерживал открытие в институте хореографической специальности, внимательно следил за развитием танцевальных коллективов.

Впервые первоапрельскую "Юморину" на физмате организовала со студентами Вера Сергеевна Руус. Но только при Сенько это мероприятие стало заметным событием и в институте, и во всем городе. Он сам в ней участвовал — выходил на сцену, пел частушки, участвовал в мини-спектаклях. Никто из деканов, кроме него, этого не делал, а Егор Егорович участвовал в подобных мероприятиях себе только добавлял. Помню, как однажды в ночь на 1-е апреля студенты изготовили фотографию Сенько в полный рост, а рядом — фото студента, но с отверстием вместо лица. Егор Егорович об этом не знал, и когда вахтер рано утром ему сказал, что идти на работу не надо, он уже на физмате присутствует, долго не мог понять, о чем идет разговор. А потом с "Егором Егоровичем" фотографировалась весь физмат, да и не только физмат.

После аспирантуры я получил предложение Сенько пойти к нему в заместители. Шесть лет мы с ним работали в одном кабинете, и, по обоюдному убеждению, это были наши лучшие годы. Физмат в эти годы набирал силу, его преподаватели как ученые приобретали широкую известность. Следствием этого были регулярные научно-методические конференции на базе нашего факультета, причем не только республиканского, но и всесоюзного масштаба. Егор Егорович никогда не отказывался от этих форумов, хотя хлопот они доставляли немало. У него все было продумано, организовано, логично выстроено и находилось под личным контролем. Мы с ним вдвоем определяли окончательный список участников, встречали и провожали именитых гостей, заказывали для приезжих гостиные и обеспечивали им культурную программу. В результате наши препода-

ватели были в курсе новейших научных достижений, знакомились с ведущими учеными, сами выступали с докладами и публиковались.

Сенько контролировал формирование штата преподавателей и сотрудников по всем кафедрам физмата, с уважением относился к любому человеку, невзирая на его возраст и должность. Мне доверял. Я отвечал за организацию и качество учебного процесса, составлял расписание, готовил заседания Совета факультета. Как правило, я не спрашивал у Сенько, как и что надо делать. Я понимал, что он опосредованно контролирует мою работу и то, что и как я выполняю, его устраивает. Иногда возникали проблемы, которые невозможно было решить без его участия, и тогда мы над ними думали вдвоем.

В институте Сенько был замечен, его знали, пожалуй, все преподаватели и студенты. Авторитета и популярности ему добавила и его научная специализация. Егор Егорович защитил кандидатскую диссертацию по результатам исследования радиоактивности в приземном слое атмосферы, то есть по природной, естественной радиоактивности. Его знания, научный опыт оказались весьма кстати, когда случилась авария на Чернобыльской АЭС. Будучи даже в определенной степени образованными людьми, мы и представить себе не могли масштабы случившейся катастрофы. Я, например, узнав об этой аварии, по карте определил расстояние до Чернобыля и, увидев, что это 300 километров от Могилева, успокоился. Далеко, нас не коснется! А один из опытных лаборантов-физиков откровенно посмеивался над нашими тревогами, утверждая, что, прокипятив "грязное", радиоактивное молоко, мы сделаем его "чистым".

Егор Егорович как специалист в вопросах радиоактивности сразу оценил масштаб и возможные последствия случившейся трагедии. Он стал, не откладывая и, как всегда, активно, действовать. Организовал семинар для преподавателей, на котором подробно и доступно рассказал, как устроен атомный реактор, как работает АЭС, что случилось в Чернобыле, каковы возможные зоны заражения радионуклидами и могут ли там жить люди, как защитить себя от радиоактивности. Мало того, что Сенько вооружил нас крайне необходимыми в тот момент знаниями, он своим спокойным, деловым, оптимистичным отношением к происходящему вселил уверенность в возможности преодолеть эти беды, выстоять. Более того, Сенько организовал лабораторию по измерению радиоактивности продуктов питания, добился ее оснащения современными приборами и обучил ими пользоваться персонал. Люди понесли на проверку урожай со своих дач, ягоды и грибы из лесов, даже молоко и хлеб из магазинов. Я, например, таким образом узнал, что черника не всегда "грязная", а клюква чистой вообще не попадалась. Спросил у Егора Егоровича, может, это было всегда — клюква так естественно "фонит"? Надо отдать должное Сенько как ученому. Он усомнился в моем предположении, а потом каким-то образом достал клюкву из Сибири — она была "чистой".

Предвидя длительность воздействия последствий аварии на Чернобыльской АЭС на человека и вообще на окружающую среду, Сенько разработал соответствующий спецкурс для студентов, предполагавший теоретическую и практическую подготовку в области радиоактивной безопасности в той же лаборатории.

Он обоснованно считал, что все учителя, работающие в школах Могилевской области, в вопросах защиты от возможной техногенной радиации должны быть образованы, подготовлены для обеспечения не только своей безопасности, но и окружающих их людей. Этот спецкурс он читал до своих последних дней.

Работая с Сенько бок о бок много лет, я многое от него перенял, над чем-то задумался, а от чего-то он меня даже предостерег. Например, я наблюдал за карьерным ростом Егора Егоровича. На мой взгляд, это прирожденный руководитель. Он был умен, доказал это своей учебой и успехами в научной работе. Профессионал в том деле, которому себя посвятил. Как физика его оценивали очень высоко. Организован, последователен, энергичен, настойчив, причем не только сам, а может этого добиваться и от других. Уважителен к людям, доступен, всегда старается человеку помочь, поддержать в трудную минуту и поспособствовать в развитии и служебном росте. И в то же время держит дистанцию, не допускает панибрательства. Реален, жизнелюб, боготворит природу и обожает деревенский быт, в любой компании лидер. Владеет аудиторией, убедителен, люди ему доверяют. Сенько очевидно обладал всеми необходимыми качествами руководителя, они были заложены ему природой. Думаю, что Егор Егорович это понимал, потому что поставил на служебную карьеру. Он очень хотел стать проректором по учебной или по научной работе и был, безусловно, готов к такому повышению. Я уверен, что и ректором он бы был достойным. Мы все видели, что в деканате ему было уже тесно. Но... не сложилось. Место проректора по учебной работе долго занимал профессор М.А.Авласевич, и чувствовал он себя на этой должности уверенно. Проректором по научной работе был профессор А.А.Столяр, а когда он в начале девяностых уехал в Москву, на эту должность назначили профессора М.В.Мащенко, но не Е.Е.Сенько. Егор Егорович внешне вида не подал, но было понятно, что обиделся. Глядя на это, я изначально удивлялся, почему Сенько не хочет посвятить себя сугубо научной работе? Он же, без всяких сомнений, потенциальный доктор наук! И ему лично я это неоднократно говорил. Но он от этой темы уходил, этот разговор никогда не поддерживал. По совокупности научно-методических работ, за просветительскую деятельность в вопросах радиоактивной безопасности он получил ученое звание профессора. Но этого для Сенько было мало, мы все это видели, уверен, что и сам он это понимал. Вот тогда я для себя сделал вывод, что у руководителя любого уровня в жизни обязательно должен быть "запасной окоп". Пусть это будет коллекционирование, дача, спорт, охота, еще что-нибудь. Но лучше всего — это развитие своего профессионального мастерства. Не надо целиком и полностью посвящать себя карьерному росту. Здесь далеко не все зависит лично от тебя. Не сложилось, например, стать деканом, займись научной работой, пиши диссертацию — проявишь настойчивость в этом деле, обязательно получишь результат. Поэтому, когда в свое время уже мне предложили должность проректора по учебной работе, я позвонил профессору И.А.Новику, чтобы посоветоваться. Она, не раздумывая, сразу сказала:

— Соглашайся. Мужчине должен по службе расти. Но обязательно пиши докторскую диссертацию. Поверь, от этого ты получишь удовольствие, и это в будущем тебя будет защищать.

Она оказалась права, и я до сих пор думаю, почему Егор Егорович не защитил себя научной работой, почему он не создавал эшелонированную оборону, не открыл "запасной окоп"? Ведь в науке он бы преуспел значительно больше.

Конкурс на физмат среди абитуриентов всегда был небольшим. О наборе на факультет приходилось заботиться. Для этого Сень-

ко развернул масштабную работу — мы ездили по районам, выступали в школах, встречались с учителями и даже с родителями будущих абитуриентов. Для усиления профориентационной работы он ввел на физмате новшество — родительские собрания первокурсников. К концу ноября мы должны были провести межсессионную аттестацию и рассказать потом студентам и их родителям, на что они могут рассчитывать в предстоящую экзаменационную сессию. На общем собрании всем студентам и их родителям декан рассказывал о факультете, об учебном процессе, условиях сдачи (и пересдачи) зачетов и экзаменов, возможных отчислениях. После этого все расходились по академическим группам для более подробного разговора с преподавателями. Приезжие родители могли даже переночевать со своими детьми в общежитии. Понятно, что такое собрание было не только необычным, не принятым в традиционной вузовской жизни, но и требовало напряженной подготовки, отвлекало от привычных дел. Поначалу против были и студенты-первокурсники (мол, уже не дети) и преподаватели (это же не школа). Однако всех в правильности этого мероприятия убедила явка на него родителей. Как правило, приходили оба, и отец и мать, не являлись на собрание единицы. И оно стало традиционным. Я даже как-то сказал Егору Егоровичу, что с каждым таким собранием мамы студентов выглядят все моложе и моложе. На что физик Сенько тут же обратил мое внимание на относительность этого наблюдения — это мы с ним становились все старше и старше.

Однако и этих мероприятий для комплектации физмата студентами оказалось мало. Тогда декан Сенько с профессором Столяром убедили руководство открыть в Княжицкой средней школе Могилевского района физико-математические классы, пригласить туда способных учеников из сельских школ и обеспечить им должную подготовку для поступления на наш физмат. Забот много: найти детей, убедить их родителей, подготовить общежитие и вообще условия для жизни, уговорить пойти работать в эту школу хороших учителей. Для поднятия авторитета, привлечение этих классов, преподаватели физмата, включая нас с Сенько, ездили читать там спецкурсы. Все это держалось только на энтузиазме Егора Егоровича. Но и он увидел, что из первого выпуска этой школы к нам пришло только три студента. Все остальные поступили в другие университеты, включая московские. Все до единого поступили, подготовку мы этим ученикам действительно дали хорошую. Понятно, что со временем от этой идеи пришлось отказаться, но как же нам помог опыт работы в княжицкой школе для создания лицея при нашем университете. И здесь сработало чутьё Сенько в предвидении создания такого типа учебных заведений.

На сельхозработы физмат выезжал в Чериковский район. И не только копать картошку. Бывало, что и на заготовку сена, а то и веток. Декан Сенько лично контролировал размещение студентов, условия их жизни, обеспечение работой, безопасностью. Мы обязательно всей командой (декан, замдекана, ведущие кафедры, секретарь партбюро) регулярно выезжали в район и проверяли организацию сельхозработ в каждом хозяйстве. Егора Егоровича знали и уважали руководители района и все председатели колхозов. Он находил с ними общий язык, поэтому и студенты были накормлены, и урожай убирался вовремя. Сенько интересовался всеми деталями. Мы, например, знали, что один из руководителей хозяйства в сорок лет еще не женат. И вот как-то утром, в деканате, Сенько мне объявляет, что, по его достоверным сведениям, он, наконец, женится. Предлагает поздравить его с этим событием те-

леграммой. Мы тут же сочиняем соответствующий текст, отправляем его и ... уже к вечеру узнаем, что поторопились. Но в результате веселился весь Чериковский район.

Егор Егорович был отменным грибником. Едем из Чериковского района, остановились по дороге, в лесу, развели костер. Я ведь тоже вырос в лесах Быховского района, грибы находить умею. Обошел места вокруг костра — ничего! Нет вообще никаких грибов. А Сенько вдруг исчез. Пока мы разворачивали наши съестные запасы, грелись у костра, прошло не более получаса. И тут появляется Егор Егорович с полной сумкой грибов!

У нас с Сенько была традиция. Мой младший брат Николай, тоже выпускник нашего физмата, работал директором школы в деревне Долгое Кличевского района. Сенько знал, что там отменные грибные места. Поэтому Николай обязан был известить нас, когда пойдут осенние грибы — рядовки, зеленки. Мы сели в машину Володи Попова, тогда замдекана истфака, с собой брали еще Валерия Атрашкевича, заведующего кафедрой белорусской литературы. План был насыщенным. Первый завтрак — дома у Николая, второй — в лесу. Первый обед — в лесу, второй — дома у Николая. И еще — ужин у друга Атрашкевича, директора Чечевичской средней школы. Сбор грибов помехой не был — их было столько, что наполняли корзины, передвигаясь ползком.

Выпить Егор Егорович любил. Это все знали и в своих интересах, к сожалению, часто использовали...

У Сенько я прошел школу выпивки, вообще говоря, для жизни небесполезную...

Любой опыт полезен. Важно им правильно распорядиться.

Сенько дружил с ректором института Е.П.Кудряшовым. Оба — сильные, авторитетные, властные личности. Они встречались и неформально, бывало, что и выпивали. Дозу спиртного держать оба умели...

Со временем, когда я уже работал у Кудряшова проректором, он практиковал неформальные встречи со мной. С утра об этом предупреждал. И тогда я в обед мчался домой, старался поесть супа, обязательно хлеба с маслом, чего-нибудь мясного. Я понимал, ректор зовет меня не на выпивку, а на разговор. Причем хочет откровенности, ему интересно, чем живет новое поколение, что у нас в голове, как мы видим будущее и что им от нас ожидать? Разговор один на один, в лесу. Стол накрыт на капоте служебной машины, водитель гуляет вдалеке, темы принципиальные. А ты выпил две рюмки и “поплыл”? Кому такой проректор нужен? Евгений Павлович какое-то время преподавал в Могилевской школе КГБ, поэтому “допрашивал” меня профессионально и с пристрастием. Если бы не школа Сенько подготовки к таким разговорам, я бы никогда не выдержал...

К сожалению, со временем постоянное желание организовать компанию для выпивки стало Егору Егоровичу вредить. Мы поняли это и стали ограничивать свои встречи с ним, если предлагалось застолье. Старались не подпускать к нему людей с такими предложениями. Но он все равно находил себе компании. Стал появляться нетрезвым в рабочее время. Ситуация становилась критической, и ему предложили оставить должность декана. Сенько достойно воспринял это решение, написал заявление об уходе из деканата по собственному желанию, заметив при этом, что ровно 20 лет назад, в этот же день (!), он стал деканом физмата в Кировском пединституте. Егор Егорович перешел работать профессором кафедры общей физики и работал на физмате столько, сколько мог... Уважали его всегда и искренне.

Мне довелось по жизни видеть много деканов, дружить с ними, сотрудничать, общаться. Но лучшего, чем Е.Е.Сенько, я не встречал. Пусть это будет и субъективное мнение.

(Продолжение следует).